

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ISBN 978-5-91608-181-7

С. 77-81

https://doi.org/10.31833/conf_ihll2019.015

УДК 398.2

А. А. Бурыкин

*ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН»
ул. Илишкина, 8, Элиста, 358000, Россия
E-mail: albury@mail.ru*

БАШКИРСКАЯ СКАЗКА «ЕРЭНСЭ-СЭСЭН» В КОНТЕКСТЕ СКАЗОК О НЕБЫЛИЦАХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Сказки, основное содержание которых составляет рассказывание небылиц, чаще всего заведомо невозможных ситуаций, в Евразии распространены очень широко — от Адриатики у южных славян до Тихого океана у эвенов, корейцев и японцев. Нарратив с рассказыванием небылиц героем по чьей-то просьбе или требованию составляет содержание этих сказок. Сказки с такими сюжетами представляют собой особый тип среди рассказываемых небылиц. Центр распространения сказок с рассказыванием небылиц приходится на область расселения тюркских и монгольских народов от турок до якутов и от бурят до калмыков. Условием рассказывания небылиц оказывается добывание огня — наиболее архаический тип, получение в жены дочери высокопоставленного лица (правителя), получение богатства, часто вместе с невестой. Башкирская сказка «Ерэнсэ-сэсэн» — интересный пример сказки с рассказыванием небылиц, который осложнен мотивами волшебной сказки. Автор связывает происхождение сказок о небылицах с фантазийным описанием мира, из которого приходит рассказчик небылиц, в то время как в волшебных сказках сам герой приходит в фантастический мир.

Ключевые слова: фольклор, сказки о небылицах, тюрко-монгольские народы, башкирская сказка «Ерэнсэ-сэсэн».

Основные сюжеты сказок о рассказывании небылиц группируются вокруг трех предметов: 1) сказки о добывании огня, своеобразный трансформ мифа о Прометее; 2) сказки о добывании жены при исполнении небылиц, которые признает таковыми отец жены; 3) сказки о получении богатства, обещанного удачливому рассказчику небылиц [Бурыкин, 2017].

Сказки о добывании огня посредством рассказывания небылиц связываются с бытом охотников, в том числе и тюркских народов (хакасы, якуты). Эта группа сказок распространена в основном в Сибири и на Дальнем Востоке с единственной параллелью на крайнем западе — в Далмации.

Сказки второй группы — сказки об обретении богатства в обмен на удачно рассказанные небылицы, хотя заслуженная рассказчиком награда выдается весьма неохотно, — сосуществуют со сказками третьей группы — со сказками о получении в жены дочери кого-то из состоятельных или высокопоставленных в обществе лиц. Однако из 12 выявленных

нами сказок о получении богатства за небылицы 7 сказок зафиксированы в окрестностях Кавказа, две — у бурят, одна — у корейцев, то есть опять же мы имеем дело с какой-то периферией региона, в котором ядро составляют сказки о рассказывании небылиц с целью получить в жены дочь правителя. Для таких сказок характерна максимальная жестокость по отношению к неудачникам, бедность героев, решавшихся на смелые поступки. В этой группе сказок мы иногда встречаем переплетение мотивов сказок о небылицах с элементами сюжетики волшебных сказок о демонических существах (дэв или аждаха), и все примеры такого рода представлены сказками тюркских народов.

Сказки о добывании богатства и сказки о добывании в жены дочери правителя, герои которых связаны с сельским хозяйством, выпасом скота и выращиванием зерновых культур, сказки, в которых даже фигурирует огнестрельное оружие — это сказки явно позднейшей формации со всех точек зрения, тут и утвердившаяся власть, проявляющаяся как наследуемая: героями сказок оказываются сыновья шаха, в небылицы попадает отец падишаха, ныне правящего; налицо и имущественное расслоение героев. Относительная хронология возможного появления отдельных групп сказок данного типа соотносится и с ареалами их распространения, хотя имперские монархические падишахские мотивы ярче представлены в сказках народов Средней Азии, нежели в Турции.

Один из интересных примеров сказки о добывании жены посредством рассказывания небылиц — башкирская сказка «Ерэнсэ-сэсэн» [БНС, 1987, 84–92; БНТ, 1992, 107–116]. Начало башкирской сказки «Ерэнсэ-сэсэн»: «В стародавние времена, когда коза состояла в командирах, утка — в урядниках, индюк — в десятниках, волки — в надзирателях, а вороны — в стражниках; когда от сорок был прок, а от воробья — ни копыя; когда петухи исправно совершали грехи, а курицы не покидали улицы; когда львы не знали любви, змеи были кнута злее, а лисы были большие подлизы, жил да был, сказывают, некий хан». Тут почему-то все звери и птицы призваны на службу по охране ханского порядка. Аналогичные экспозиции встречаются в сказках других народов Средней и Центральной Азии.

Содержание сказки: «В стародавние времена» хан обещает отдать половину своих богатств и выдать замуж дочь за того, кто расскажет небылицу, которую хан таковой признает, или казнить, если хан поверит в рассказанное; Ерянсе-сэсэн начинает рассказывать небылицы о том, как в поисках пропавшей кобылицы забрался на палку в сто аршин и на конец воткнутого в нее своего ножа, перевез кобылу через озеро на ее новорожденном жеребенке, убил плевком зайца, из которого получилось два ведра жира; ичиги героя начали драться, потому что один смазан лучше, несмазанный сапог пропадает и герой находит его прислуживающим на свадьбе; желая напиться, герой бьет головой кусок льда, его голова примерзает ко льду и он не замечает ее отсутствия; возвращается к своей голове; меняет вылетевших из льда уток на верблюда, находит верблюда после кражи, опознав укравшего; оказывается на пиру, где просыпается в объятиях дочери хана Айбики; дочь хана пропадает, герой побеждает семиглавого змея-аджаху, девушка указывает, где найти Айбику, которую увела ее хозяйка; хозяйка оказывается дэвом — герой убивает дэва, узнав от девушки, что его сила в вилах; девушка предлагает взять замуж ее и не искать Айбику — тут хан требует продолжать искать его дочь — далее герой находит жилище девятиглавого аждахи — сына убитого семиглавого аждахи, тот узнает вилы своего отца, предлагает герою двенадцать девушек, но герой требует отдать Айбику — рассказ завершается тем, что Айбика находится у себя дома, а ее отец слушает это повествование. Хан выполняет обещанное — отдает Айбику замуж за героя-рассказчика небылиц и дарит ему половину своих сокровищ.

Небылицы башкирской сказки «Ерэнсэ-сэсэн»: характеристика «стародавних времен» с ролевой инверсией в материале сказок о животных (похожее начало имеет узбекская сказка); герой пасет лошадей самого хана у озера величиной с чашу; пропавшая кобылица величиной с жеребенка, а жеребенок ее с лошадь; герой боится жеребцов, от ржания которых может рухнуть ханский дворец; у героя вылезает наружу сердце и стремится забиться в лошадь, герой заталкивает его обратно; герой сооружает смотровую вышку из

палки в сто аршин, ножа и иглы; по палке переходит озеро, взнуздан палкой жеребенка и переплывает озеро, лошадь не везет — всех везет жеребенок; герой не может убить зайца стрелой и камчой — убивает плевком; мясо зайца уместилось в два котла, но его не хватило на казан; жира в зайце на два ведра — со дном и бездонное; смазывает сапоги — на один не хватило, намазывает ичиги, те смазывают сапоги, сапоги ночью дерутся и несмазанный сапог убегает, герой его ищет с сапогом в руках; попадает на пир, где прислуживает его сапог; после пира хочет напиться и в жаркий день видит кусок льда, снимает голову, но не может разбить лед, забывает голову; возвращает голову на место, глыба раскалывается, из нее вылетают 60 пестрых и 70 пегих уток, герой ловит их и меняет на громадного верблюда (далее разговор о глубине колодца и длине дня); герой дарит верблюда своим братьям — умершему и неродившемуся; его крадет человек по имени Муса, находят Мусу — тот отпирается; старик, призванный рассудить героев, устраивает им испытание — отгадать, что у него в руке; те его выигрывают. Муса сознается в краже верблюда; далее герой рассказывает, что его уложили спать в ханском дворце с ханской дочерью Айбигой, Айбика пропадает, герой на кобылице едет ее искать; герой в поисках Айбики отрубает пять голов семиглавого аждахи, с помощью девушки побеждает дэва, девушка предлагает жениться на ней — «Чем я хуже Айбики?»; герой приходит к девятиглавому аждахе, разгоняет стражников вилами и ножом, «который ты (хан) мне подарил, когда выходил замуж за нашу енгей»; аждаха предлагает герою на выбор 12 девушек, герой требует Айбику, аждаха отдает Айбику, герой говорит, что Айбика во дворце — хан соглашается отдать ее замуж за Ерэнсэ-сэсэн и отдает ему половину своих сокровищ.

Начало этой сказки содержит известные цепочки небылиц о выпасе скота, пропаже и поисках скотины, сооружении смотровой вышки, обретения пропажи и разной силы у кобылы и жеребенка, когда детеныш сильнее. Далее следует охота на зайца, несколько свернутая и прозаизированная; к смазыванию сапогов прибавляются ичиги, более не играющие роли в сюжете (еще в одной из сказок — карачаевской у героя две пары сапог), герой несет один сапог в руках (это более нигде не встречается), история о 60 и 70 утках, которые герой меняет на других животных, встречается в казахской сказке «Сорок небылиц», но в ином варианте. История с украденным верблюдом, вором по имени Муса и стариком-судьей — по сути отдельное повествование: стоит заметить, что Муса действительно оказывается вором, укравшим верблюда. За ним следует слегка гиперболизированный блок событий, характерный для волшебной сказки, который сам по себе не содержит небылиц, кроме рассказа героя о том, как он провел ночь в ханском дворце, о пропаже ханской дочери, которая никуда не девалась на самом деле, и истории о ноже героя, якобы подаренном ему ханом.

Башкирская сказка «Ерэнсэ-сэсэн» интересна тем, что в ней соединено повествование о рассказывании небылиц и авантурный сюжет волшебной сказки, осложненный необычной темой конкуренции невест героя.

Ерэнсэ-сэсэн — плут и мудрец одновременно, типичный герой для тюркских кыпчакских народов. Таков же Алдар-Косе у казахов, и понятно, почему такое же имя носит плутоватый македонский мельник: сказка явно перенята от турок или других тюркских народов. В других сказках это бедный юноша (узбекская), мальчик-сирота (казахская), юноша-табунщик (ногайская), бедняк (аварская), простой парень — сын своего отца (македонская). Тут уже нет ни шахских, ни ханских сыновей. Как-то в эту компанию затесался байский сын из туркменской сказки с повторяющимся названием «Сорок небылиц», который даже сам ничего не хотел — его отец пристраивает жениться на падишахской дочери, однако и он выдерживает испытание, хотя рассказывает знакомые нам небылицы не блестяще. Противопоставления героев по линии знатного происхождения, богатства и власти здесь усиливаются до возможного максимума: отцы невест — правители и владельцы, претенденты на руку их дочерей — представители низших сословий, только в одном случае это какой-то вполне заурядный байский сынок. В этих сказках нет ни торговцев, ни ремесленников, ни лиц духовного звания, ни, так сказать, военнотружущих ханская или падишахская стража активной роли в них не играет.

Ставка в состязании в этих сказках — чаще всего жизнь. Правитель казнит неудачников — таковы башкирская, казахская сказки, сказка туркмен Систана, ногайская и грузинская сказки. Чем тверже власть, тем страшнее наказания в сказочном государстве. Удивителен узбекский падишах — он обещает казнить мудрецов-судей в споре за неправедные решения, а неудачливых женихов отвергает сама падишахская дочка, которая сама и желает слышать небылицы: впрочем, может быть, такой падишах и такая дочка — это тоже небылица... Туркменский падишах в сказке «Сорок небылиц» также не обещает никакого наказания байскому сыну, если тот не выдержит испытаний. В одном варианте калмыцкой сказки о 72 небылицах в варианте, изданном Т. Г. Басанговой в 2003 г. [СЛ, 2003, 171–176], хан прогоняет неудачливых женихов, в другом, из сборника 1978 года [КС, 1978, 5–19] — о них просто не рассказывается. Вообще самые страшные наказания ждут тех, кто невыдержит испытания, в этой группе сказок — исключительно в сказках тюркских народов (башкиры, ногайцы, казахи, туркмены Систана). Показательно, что мрачный конец для правителя среди сказок этой группы мы находим только в казахской сказке, где хан умирает от досады — но там хан и обещал искусному рассказчику сначала богатство, а потом, если тот пожелает, то и дочь в жены и должность визиря. Кстати, в другом варианте такой же казахской сказки речь идет только о богатстве, и она входит в иную группу интересующих нас сказок. Даже с девятиголовой аждахой герой башкирской сказки смог договориться мирно. Видимо, мезальянс дочери огорчал правителя меньше, чем возможность потерять богатство, а, может быть, все с нетерпением ждали пира, как герои узбекской сказки. Только в наиболее известном варианте калмыцкой сказки «72 небылицы» хан не выполняет своего обещания, но и герой воспринимает случившееся как должное, как-то по-буддийски, смирившись со своей участью.

Варианты калмыцкой сказки «72 небылицы» [КНС, 1982, 5–19; СЛ, 2003, 171–176], одной из самых известных калмыцких сказок, отличаются тем, что в них сказочный мир более материализован, приближен к окружающей природе, традиционному быту и социуму народа. Небылицы калмыцких сказок имеют много общего со сказками тюркских народов. Существенно, что три сюжета с рассказыванием похожих небылиц имеются у бурят, сказки такого же типа или их фрагменты фиксируются и у монголов.

Мы можем увидеть, что сказки о небылицах, где речь идет о получении богатства, и особенно о добывании жены, не встречаются в составе циклов о плутах, на которые так богат сказочный фольклор народов Средней Азии. Их нет, например, в составе казахских сказок об Алдар-Косе; такие истории не рассказываются в повествованиях о Насреддине и других таких же сказочных циклах. Не вполне ясно, составляют ли цикл башкирские сказки о Ерэнсэ-сэсэне. Их значительно меньше, чем сказок об Алдар-Косе у казахов. Исключение одно — сказка «Обманщик обманщиков» из цикла рассказов об Алдар-Косе. Отчасти это понятно, добывание дочери хана или падишаха радикально меняет всю биографию героя, которая уже не будет иметь однородного продолжения.

В сказках о небылицах женщины-героини почти не играют роли в повествовании. Только в узбекской сказке дочь падишаха сама устраивает рассказывание небылиц для выбора жениха. Далекое не везде есть даже указание на красоту невесты — она восторженно охарактеризована только в ногайской и в грузинской сказках. В вариантах калмыцкой сказки о 72 небылицах ханская дочь просто названа красавицей — в первом тексте в начале, во втором в конце, где говорилось, что юноша-победитель в состязании тоже был красавцем. Иногда, и довольно-таки редко, мать или бабушка выступают в качестве помощниц героя и тех, кто переживает за него. В сказках о добывании огня и богатства женские персонажи, как кажется, отсутствуют вовсе.

Сама по себе сказка как жанр — это, как ее определяли В. Я. Пропп и М. И. Стеблин-Каменский, заведомый вымысел, как для сказочника, так и для его аудитории. Сказки о небылицах — это как бы вымысел вдвойне, вымысел внутри вымысла. Вследствие этого проблема происхождения сказок о небылицах разделяется на две самостоятельные проблемы — происхождение небылиц и их цепочек, и происхождение сказок о небылицах как одной из групп новеллистических сказок. Изучая тексты, можно видеть, что иногда сказки

о небылицах, которые мы здесь рассматриваем, смыкаются с волшебными сказками — таковы башкирская, туркменская сказки, где рассказывание небылиц является самостоятельным и относительно поздним в хронологии развития сюжета эпизодом.

Напрашивающиеся мысли о том, что сказки о небылицах могли фигурировать как каноническое обрядовое свадебное состязание или составная часть обряда инициации на самом деле будут очень спорными. Мы предлагаем следующее объяснение появлению этого вида сказок: рассказчик небылиц почти всегда является пришельцем в мире, где он ведет свое повествование. В мире, где он пребывает в момент рассказывания, все выглядит так, как в мире, знакомом слушателям, соответственно в пространстве, откуда явился рассказчик, все должно быть не так — и описание этого мира как раз является предметом конструирования небылиц.

Литература

- БНС — Башкирские народные сказки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 120 с.
БНТ — Башкирское народное творчество. Т. 6. Шуточные сказки и кулямасы. / Сост. А.М. Сулейманов. Вступ. ст., коммент. Л.Г. Барага и А.М. Сулейманова. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1992. 462 с.
Бурькин А. А. Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов (по материалам сказок о небылицах). Тюмень: ООО «Формат», 2017. 416 с.
КНС — Калмыцкие народные сказки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1982. 148 с.
КС — Калмыцкие сказки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1978. 154 с.
СЛ — Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки. / сост. и пер. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2002. 238 с.

А. А. Burykin

*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Ilishkin st., 8, Elista, 358000, Russian Federation
E-mail: albury@mail.ru*

BASHKIR TALE "YERANCE-SESEN" IN THE CONTEXT OF TALES WITH FABLES OF TURKISH-MONGOLIAN PEOPLES

The fairy tales which basic maintenance makes telling of fables, more often obviously impossible situations, in Eurasia are extended very widely — from Adriatic Sea at southern Slavs to Pacific ocean at the Evens, Koreans and Japanese. A narrative with the storytelling of fables by a hero at someone's request or demand is the content of these tales. Tales with such plots represent a special type among told fables. The center of distribution of fairy tales with telling of fables is necessary on area of moving of the Turkic and Mongolian people from the Turks to Yakuts and from the Buryats to Kalmyks. Fire getting — most archaic type, reception in the wife the daughter of the ruler or rich person (governor), reception of money appears a condition of telling of fables, is frequent together with getting of the bride. The Bashkir fairy tale "Yerance-sesen" — an interesting example of a fairy tale with telling of fables which is complicated by motives of a magic fairy tale. The author connects an origin of fairy tales on fables with the fantastic description of the world from which, the hero comes while in magic fairy tales the story-teller of fables himself comes to the fantastic world.

Keywords: folklore, tales with fables, Turkic-Mongolian peoples, the Bashkir tale "Yerance-sesen".

References

- Bashkir folk tales. Ufa: Bashkir book publishing house, 1987. 120 p.
Bashkir folk art. Т. 6. Comic tales and kuljamyasy. / Comp. by А.М. Suleymanov. Introductory article, comment. by L.G. Barag and А.М. Suleymanov. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1992. 462 p.
Burykin А. А. Khanty fairy tales and folklore of the Ural-Altai peoples (based on fairy tales about fables). Tyumen: Format LLC, 2017. 416 p.
Kalmyk folk tales. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1982. 248 p.
Kalmyk folk tales. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1978. 154 p.
Sandalwood chest. Kalmyk folk tales. / comp. and transl. by Т. G. Basangova. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 2002. 238 p.